

Рецензии

Ольга Алиева

Дом восходящей философии. Рецензия на книгу:
Paul Kalligas, Chloe Balla, Effie Baziotopoulou-Valavani, Vassilis
Karasmanis (eds.), *Plato's Academy: Its Workings and Its History*.
Cambridge University Press, 2020

OLGA ALIEVA

HOUSE OF THE RISING PHILOSOPHY. BOOK REVIEW:

Paul Kalligas, Chloe Balla, Effie Baziotopoulou-Valavani, Vassilis Karasmanis (eds.),
Plato's Academy: Its Workings and Its History. Cambridge University Press, 2020

ABSTRACT. The reviewer notes that this volume is a substantial contribution to our understanding of Greek intellectual history, in several respects. First, the latest archeological evidence sheds new light on the physical organization of the first European school. Second, the book contains valuable insights concerning public representation of philosophy as a social practice. Third, the Academy's inner organization and "programme of studies" are discussed at length. Two points in particular deserve special attention. Mauro Bonazzi concludes that the Academy ceased its activities when Philo left Rome. Antiochus was never elected the head of the Academy after Philo (as John Gucker earlier demonstrated). It was Antiochus who created the image of Arcesilaus as a "dissident Academic", but the very distinction into an Old Academy and a New Academy served Antiochus' aims and, as Harold Tarrant shows in his respective chapter, shouldn't be accepted uncritically. In a useful Appendix to the volume, one finds Philodemus' Index Academicorum (Greek text and the first English translation), and Myrto Hatzimichali offers an illuminating analysis of this text within the context of Hellenistic historiography.

KEYWORDS: Plato, Academy, Platonism, Polemo, Arcesilaus, Antiochus, Carneades, Philodemus.

© О.В. Алиева (Москва). oalieva@hse.ru. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020)

DOI: 10.25985/PI.13.2.17

Материалы, собранные в этой книге, объединены общим интересом к платоновской Академии: ее институциональному статусу, образовательной программе, политическому и социальному влиянию, а также ее пространственной организации (*глава 1, Paul Kalligas*). В этом плане сборник вносит заметный вклад в изучение интеллектуальной истории Греции в классический и эллинистический период, позволяя по-новому взглянуть на первую европейскую школу.

Глава 2 (Daniela Marchiandi) посвящена доплатоновской истории Академии. Как напоминает исследовательница, вдоль дороги, которая вела от Дипилонских ворот к Академии, были расположены стелы в честь павших в бою граждан. Здесь раз в год, в месяц пианепсион, чествовали погибших и произносили в их честь надгробную речь. Опираясь на археологические данные и литературные свидетельства, Маркианди уточняет топографию этой области и приходит к выводу, что еще до Платона это был важный «фокус гражданской идеологии» и, тем самым, воспитания. В *главе 3 (Manolis Panayiotopoulos, Tania Chatziefthimiou)* последовательно рассматриваются археологические находки в районе Академии (от доисторического до римского периода). Эта и следующая глава снабжены прекрасными иллюстрациями, предоставленными Греческим археологическим обществом. *Глава 4 (Euthychia Lygouri-Tolia)* дополняет картину. Сравнивая то, что нам известно об устройстве гимнасиев Академии и Ликея, автор заключает, что в Академии IV века «так называемый гимнасий» был предназначен не столько для физических упражнений, сколько для учебы. Вслед за немецким археологом В. Хёпфнером¹, Лигури-Толия говорит о том, что «гимнасий» представлял собой «интеллектуальный центр с библиотекой и читальным залом» примерно на 40 столов (с. 60). Там же у северной стены стояли статуи Муз, то есть это и был платоновский мусейон. Весь комплекс, скорее всего напминавший библиотеку Адриана (с. 63), был построен в IV веке, то есть при жизни Платона.

¹ Hoepfner 2002: 56–62.

Если эти выводы верны, то следует пересмотреть сложившиеся представления о «сади́ке», купленном Платоном после первой поездки на Сицилию (D.L. 3.20). Этот садик принято отождествлять с имением в Иресиде, упомянутом в завещании Платона (дем Иресиды локализован: он находится недалеко от рощи Академа)². Джон Диллон, рассуждая о том, как разместить в одном садике библиотеку, святилище Муз и домики (καλύβια) для студентов (D.L. 4.19), приходит к выводу, что площадь садика была не менее двух акров³. Но если, как указывают археологи, мусейон и экседра (полукруглая скамья, изображенная на знаменитой помпейской фреске) располагались на общественной территории Академии, а не в частных владениях Платона, то возникает вопрос о том, можно ли было студентам устраивать там себе жилье. Сам Хёпфнер не видит тут затруднений (он вообще помещает садик внутрь Академии), а Лигури-Толиа не касается этого вопроса. Мы можем ограничиться лишь предположением. Слова Диогена ἐν τῷ κήρῳ, παρ' ὧν οἱ μαθηταὶ μικρὰ καλύβια ποιησάμενοι κατ' ὄκουσιν πλησίον τοῦ μουσείου καὶ τῆς ἐξέδρας можно понять и в том смысле, что ученики Полемона (в собственность которого к тому времени перешло имение Платона) селились рядом с садиком, что позволяло им жить недалеко от мусейона и экседры, но последние находились не на «загородной вилле» Платона, а в священной роще. В любом случае, следует признать, что деятельность школы оказывается гораздо более публичной, чем некогда предполагалось.

Глава 5 (Matthias Haake) смещает акценты на социальный профиль академиков (с предсказуемым выводом, что философия была уделом финансово благополучных мужчин) и на отражение этого профиля в греческой комедии IV века. Тут собран обширный материал, из которого следует, что в глазах комедиографов академики были хорошо одетыми мужчинами с модной прической и ухоженной бородой (с. 77). Они воспринимались как сто-

² Nails 2002: 249–250 считает, что садик не упомянут в завещании (D.L. 3.41–43); но см. Glucker 1978: 233 о том, что это одно из упомянутых в завещании имений Платона.

³ Dillon 2003: 9 и он же на с. 198 в рецензируемом издании.

ронники олигархии и македонян, поэтому в 307/6 г., после изгнания македонского гарнизона и реставрации демократии, стало возможным принять «закон Софокла», по которому философские школы делались зависимыми от Собрания и Совета, то есть, по сути, — от афинского демоса. Это привело к временному (до отмены закона) исходу философов из Афин (с. 79). Упомянутый Софокл, между тем, был обвинен в нарушении конституционного строя, и Демохарет написал от его лица речь, от которой сохранились лишь фрагменты. Этих фрагментов достаточно, чтобы судить о том, что автор обрушивался с критикой на людей из окружения Платона и Аристотеля, не очень заметных в философском плане, зато подчеркнуто стремившихся к тирании у себя на родине. Это стремление оказалось успешным в случае с Хероном из Пеллены (Paus. 7.27.7), который пришел к власти при поддержке Александра. Таким образом, заключает исследователь, три фактора способствовали стигматизации философии как социальной практики: (1) политические теории философов, носившие, как правило, антидемократический характер; (2) социальный статус и экономическое благополучие философов, позволявшие им предаваться ученому досугу и делавшие их положение в Афинах во многом исключительным; (3) и их обширные международные контакты, которые также вызывали подозрение.

Интересно, что Джон Диллон в «Наследниках Платона» изображал Ксенократа, формально метека, как поборника независимости от Македонии, который в ходе посольства к Антипатру (322 г.) чуть ли не единственный отстаивал афинские интересы⁴. Какова бы ни была реальная позиция Ксенократа, его участие в посольстве, результатом которого стало размещение в Пирее македонского гарнизона, установление олигархического правления, территориальные потери и изгнание антимакедонских политиков, выглядело подозрительно (с. 82).

Глава 6 (*John Glucker*) переносит фокус внимания внутрь Академии, ставя вопрос о том, как выглядела образовательная про-

⁴ Dillon 2003: 91–92.

грамма во времена Платона. Подвергая ревизии свидетельства источников (собранные в удобном приложении к статье), автор отвергает гипотезу «тюбингенской школы» о регулярных лекциях основателя школы (с. 100). Кроме того, Джон Глукер совершенно оправданно сомневается в том, что на основании свидетельств Эпикрата (с. 104) или Филодема можно делать выводы о «формальных» занятиях в Академии (см., однако, главу 9, в которой Иштван Боднар приводит некоторые резоны в пользу правдоподобия пародии Эпикрата). В целом, исследователь приходит к осторожному *ignoramus*.

С выводами относительно Платона можно согласиться, равно как и с тем, что программа обучения, описанная в «Государстве», не была реализована на практике (с. 90). Однако не стоит забывать, что Исократ в речи «Об обмене имуществом» достаточно уверенно перечисляет сюжеты, интересовавшие академиков (законы, этика, математика и астрономия, эристика). Также нет оснований не учитывать тексты Аристотеля, некоторые из которых косвенно свидетельствуют о характере занятий в Академии⁵. Кроме того, как показывает В. Карасманис (*Vassilis Karasmanis*) в главе 7, несколько математиков были активны в Академии еще при жизни Платона (с. 111–115; о дальнейших отношениях Академии с математикой см. главу 8). Это не означает, что они читали лекции: скорее, школа была площадкой для обсуждений. Можно допустить, что по мере того, как круг обсуждаемых вопросов расширялся, а знание становилось более специализированным, среди студентов происходило разделение на «прихожан» (*insiders*) и «захожан» (*outsiders*), из которых последние интересовались больше прикладными знаниями. Именно об этом, согласно правдоподобной реконструкции Тициано Доранди (см. в том же издании с. 285), сообщает Филодем, который опирался на источники, близкие к Платону и Аристотелю.

О влиянии пифагорейцев на созданную Платоном институцию указывалось неоднократно, так что глава 10 (*Phillip S. Horky*),

⁵ Dillon 2003: 11.

посвященная отношению к пифагорейским символам в Академии, представляет особый интерес. Отправным пунктом служит свидетельство Порфирия (*VP* 53) о том, что Платон, Аристотель, Спевсипп, Аристоксен, Ксенократ все хорошее у пифагорейцев присвоили себе, а все пошлое и смешное выдали за суть пифагорейского учения. Как показывает исследователь, эта картина существенно упрощает положение дел. (В скобках отметим ошибку на с. 184, где слово *ιστορία* дважды написано через омегу). В частности, Евдокс и Ксенократ ни в коей мере не были приверженцами модели *ipse dixit*, воспринимаемая пифагорейскую этику в рационализирующем ключе (с. 187).

Но если академики не были хранителями пифагорейской традиции, как позднее пытался доказать Нумений (с. 201), то на чем же строилась идентичность школы? На этот вопрос в главе *главе 12* отвечает Гарольд Таррант (*Harold Tarrant*). По его мнению, идея «революции», которую устроил Аркесилай, развернув Академию в сторону скептицизма, — это полемический конструкт Антиоха. Его учитель и оппонент Филон, в конечном итоге, был прав, настаивая на единстве традиции, так как это единство заключалось не в приверженности определенным доктринам, а в открытости для разных мнений и готовности пересматривать свою точку зрения (с. 203). Жизнеспособность Академии не зависела от догматического единства (с. 206). Несколько деталей уточняют этот тезис. Аркесилай учился у Полемона в период «сократического возрождения» в Академии, отразившегося на некоторых текстах из Платоновского корпуса (с. 205–206). Как полагает Таррант, Аркесилай готовился занять позицию «хранителя книг» (*D.L.* 4.33), ответственного за редактуру, изучение и сохранность корпуса (с. 209). Аналогичную функцию выполняли ранее Филипп Опунтский и Гермодор (с. 212–213), Крантор (с. 214), а во времена Филона — Хармад (с. 216). Позиция «хранителя», которой мы обязаны сохранением корпуса, была не менее важной, чем более публичная должность схоларха, заключает исследователь.

В главе 11 Джон Диллон (*John Dillon*) обращается к фигуре Полемона (схолаρχа Академии с 314 по 276 гг. до н.э.). Автор ставит вопрос о том, в какой мере сближение стоицизма с учением Древней Академии было выдумкой Антиоха. Он приходит к выводу, что у Полемона действительно просматриваются близкие стоицизму доктрины как в области этики (добродетели достаточно для счастья, с. 195), так и в области физики (материальность верховного принципа, с. 197). Кроме того, проф. Диллон отмечает, что образ Полемона в дошедших анекдотах построен как «успешная версия Алкивиада» (с. 191), что должно было быть лестно для Ксенократа, становившегося тем самым «успешной версией» Сократа. В поддержку этого наблюдения можно обратить внимание на другие обращения, построенные с оглядкой на «Пир»: автобиографический рассказ Григория Чудотворца⁶ и пародия Лукиана в «Нигрине»⁷.

Глава 13 (*David Sedley*) посвящена достаточно специальному вопросу о значении «богословских аргументов» Карнеада («соритов», которые приводит Секст Эмпирик в «Против ученых» — М. 9.182–183). Как отмечает Дэвид Седли, эти «сориты», изначально призванные побудить к ἐλοχῆ (понимание Клитотомаха, ср. *Cic. Luc.* 108), ошибочно стали толковаться как элемент антистоической полемики (под влиянием Метродора и Филона; ср. *Aug. C. acad.* 3.96–97). Седли подробно анализирует доводы Карнеада, показывая, что в них не было ничего, специально направленного против стоиков. Понимание «соритов» как направленных против стоиков, в свою очередь, имело апологетический характер: получалось, что Карнеад выдвинул свои доводы «не для того, чтобы подкопаться под богов, что совсем не подходит для философа, но чтобы показать, что стоики ничего не могут объяснить о богах» (*Cic. Nat. deor.* 3.44). Подобная «фаллибилистская интерпретация» лишила Карнеада заслуженного права считаться автором первого документированного аргумента в пользу атеизма (с. 223), кото-

⁶ Alieva 2016.

⁷ Hafner 2018: 323.

рый, однако, в сочетании с ἔλοχῆ делал его не атеистом, а скорее агностиком.

Мауро Бонацци (*Mauro Bonazzi*) в главе 14 ставит вопрос о «конце Академии». Авторитетные исследования Джона Патрика Линча и Джона Глукера⁸ в свое время поколебали убежденность в том, что Академия благополучно дожила до конца античности, когда (в 529 г., согласно общепринятой датировке) ее закрыл император Юстиниан. Но школа, закрытая Юстинианом, равно как и школы Антиоха, Аммония и др., не имела институционального преемства с Академией, чьим последним scholarхом был Филон. Сравнительно недавно Ч. Бриттен⁹ обратил внимание на то, что прямых указаний на разрушение Суллой самой Академии в 86 г. до н.э. нет, так что теоретически Филон мог вернуться из Рима и продолжить преподавание. В свете этого предположения Бонацци пересматривает некоторые свидетельства Цицерона и соглашается с тем, что разрушение, причиненное Суллой, не было так велико (с. 246). Но даже если Академия не была уничтожена физически, это не дает оснований говорить о продолжении занятий: уже Антиох (который, как показал Глукер, никогда не был преемником Филона) учил в Птолемеоне (с. 247). Бонацци также отвергает предположение Д. Седли¹⁰ о том, что в 79 г. до н.э. в Академии еще шли занятия — возможно, под руководством Хармада (с. 248).

Глава 15 (*Myrto Hatzimichali*) предлагает прекрасный обзор историографической традиции, на которую опирался Филодем, чей *Index Academicorum* переведен на английский в Приложении к книге (Paul Kalligas, Voula Tsouna). Перевод опирается на греческий текст Т. Доранди¹¹, который (с небольшими изменениями) приведен параллельно с переводом.

⁸ Lynch 1972: 177–189 и Glucker 1978.

⁹ Brittain 2001: 68.

¹⁰ Sedley 1981: 74, n. 3.

¹¹ Dorandi 1991.

Литература

- Alieva, O. (2016), “Origen’s Protreptics to Philosophy: Testimony of Gregory Thaumaturgus in the Oratio Panegyrica, VI”, in A.-C. Jacobsen (ed.), *Origeniana Undecima: Origen and Origenism in the History of Western Thought*, 681–689. Leuven: Peeters Publishers.
- Brittain, C. (2001), *Philo of Larissa: The Last of the Academic Sceptics*. Oxford University Press.
- Dillon, J. (2003), *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 BC)*. Oxford University Press.
- Dorandi, T. (1991), *Filodemo. Storia dei filosofi: Platone e l’Accademia (PHerc. 1021 e 164)*. Napoli: Bibliopolis.
- Glucker, J. (1978), *Antiochus and the Late Academy*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hafner, M. (2018), “Protreptic and Satire: Lucian”, in O. Alieva, S. Van der Meeren, A. Kotzé (eds.), *When Wisdom Calls: Philosophical Protreptic in Antiquity*, 319–334. Turnhout: Brepols.
- Hoepfner, W. (2002), “Platons Akademie: Eine neue Interpretation der Ruinen”, in W. Hoepfner (ed.), *Antike Bibliotheken*, 56–62. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
- Lynch, J.P. (1972), *Aristotle’s School: A Study of a Greek Educational Institution*. University of California Press.
- Nails, D. (2002), *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Hackett Publishing Company, Inc.
- Sedley, D. (1981), “The End of the Academy”, *Phronesis* 26: 67–75.